

Глава I

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИНСТИТУТА МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ СТРАН ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

При сравнительно-правовом исследовании широкого круга проблем местного управления и самоуправления латиноамериканских стран представляется целесообразным с концептуальной точки зрения сконцентрировать внимание на трех основных этапах генезиса институтов самоорганизации у народов Мезоамерики (ацтеки, майя) и Южной Америки (инки, чибча-муиски). Как и любая периодизация исторического процесса, она носит достаточно условный характер и включает: 1) стадию становления и развития первобытной родоплеменной общины и непосредственных форм осуществления власти; 2) стадию доминирования механизмов «военной демократии»; 3) стадию разложения (стагнации с элементами деградации) и трансформации общинно-родового строя (период «вождизма» и ранней государственности).

Проводя определенные параллели, нельзя не обратить внимания на следующий факт: какой бы «регион», в масштабе которого складывались первичные очаги цивилизации, мы ни взяли в качестве примера-иллюстрации, перед нами, в большей либо меньшей степени, прослеживается фундаментальная тенденция — поступательное движение от *общины-рода* к *общине-государству*.

1. ПЕРВОБЫТНАЯ ИНДЕЙСКАЯ ОБЩИНА И САМОУПРАВЛЕНИЕ

Изучение исторических процессов и социальных явлений, не только отстоящих от нашего времени на далеком расстоянии, но и не имеющих зачастую каких-либо достоверных, не вызывающих сомнений письменных или хотя бы элементарных материальных

памятников¹ и источников, неизбежно ставит перед исследователем проблему истинности знания, обоснованности гипотетических выводов и абстрактных авторских обобщений.

Применительно к сравнительному анализу архаичных самоорганизованных общностей, каковыми, вне всякого сомнения, являются первобытные (максимально вариативные с институциональной точки зрения) общины, представляется вполне оправданным и обоснованным руководствоваться не только методами реконструкции и аналогии, но и историко-ретроспективным методом, когда те или иные фрагменты исторического процесса рассматриваются как бы в обратном (своего рода «зеркальном») отражении через известные его проявления в настоящем или недалеком прошлом².

Приступая к рассмотрению столь протяженного по времени действия феномена социально-экономической и политической истории латиноамериканских государств, которым *de facto* предстает самоуправление с его разнообразными институтами, самобытными практиками, учреждениями и механизмами, следует, по-видимому, сочетать принцип историзма с системным подходом и компаративизмом. Во многом (преимущественно) методология подобного рода обусловлена тем принципиальным обстоятельством, что самоуправление (в качестве *традиционной формы самоорганизации* местного населения) в любом обществе, и Латинская (Иберийская) Америка³ не исключение, это система *простая* (однако не вульгар-

¹ Источниковедческая проблема (речь идет в первую очередь о письменных документах) действительно имеет место, несмотря на тот очевидный факт, что история доколумбовой Америки, в том числе генезис самоуправляющихся городов-государств и «империй» Мезоамерики и области Анд, по целому ряду важнейших аспектов изучена весьма основательно и даже фундаментально.

² Подробнее см.: *Ковлер А. И.* Генезис и становление самоуправления // Институты самоуправления: историко-правовое исследование. — М.: Наука, 1995. — С. 9; *Ясперс К.* Смысл и назначение истории. — М.: Республика, 1994. — С. 29–31, 54–75 и др.; *Трельч Э.* Историзм и его проблемы. — М.: Юрист, 1994. — С. 10, 12, 14 и др.; *Виндельбанд В.* Избранное: Дух и история. — М.: Юрист, 1995; *Ковалевский М. М.* Закон и обычай на Кавказе: в 2 т. — Нальчик, 2011.

³ В настоящей работе автором не преследовалась задача всесторонне рассмотреть формирование гражданского общества и местного самоуправления из каждого народа Латинской Америки. Целью исследования является анализ предпосылок и условий генезиса и эволюции указанных институтов, их взаимное влияние, катализаторы, ускоряющие их развитие, а также факторы, тормозящие его. Ввиду этого основное внимание было сосредоточено лишь на некоторых — *исторически наиболее значимых* — общностях континента. Прежде всего, объектом изучения стали наиболее типичные для своей эпохи государства Испанской Америки, оказавшие мощнейшее влияние на развитие государств

но-примитивная!), как в первобытном обществе, или чрезвычайно *сложная*, институционально-дифференцированная, как, например, востребованные и конституированные современные модели самоуправления¹.

Теоретический анализ особенностей происхождения, алгоритмов и парадигм генезиса и последующей эволюции, сущности конкретного историко-правового феномена — самоуправление и архаичные формы демократии занимают в этом ряду особое место — должен начинаться с той стадии, на которой он возникает и проявляет свои потенциальные возможности, а в дальнейшем и фундаментальные, прежде всего структурообразующие, признаки.

Нельзя не подчеркнуть, что высказанное обобщение имеет отношение (прямое либо косвенное) для всех (независимо от региона «мировой ойкумены») известных истории государства и права древнейших очагов цивилизации как в Старом (Месопотамия), так и Новом (Мезоамерика, Область Анд) Свете. «Для изучения закономерной тенденции образования классового общества и государства, — констатирует Б. Б. Пиотровский, — первостепенное значение имеет изучение тех ранних классовых обществ и государств, которые возникли на земле первыми и самостоятельно»².

С достаточно большой степенью вероятности можно утверждать, что такой фазой (одним из важнейших этапов) будущего самоуправления объективно являлась элементарная *саморегуляция* в жизни человеческих общностей, социальных групп и территориальных коллективов, переходящих от стадности к общинно-родовой организации функционирования и экономического (или

региона и оставившие крупнейшее наследие для последующих эпох и различных стран, Мексика, Перу, Колумбия, Эквадор и др.

¹ Об этом см.: *Еремян В. В.* Местное самоуправление и муниципальное управление в Латинской Америке. — М.: Грамота, 1999. — С. 17–27; *Гуляев В. И.* Города-государства майя. — М.: Наука, 1979. — С. 74–96; *Он же.* Некоторые вопросы становления раннеклассового общества у древних майя. — М.: С.Э., 1969. — № 4. — С. 86–88; *Он же.* Проблема становления царской власти у древних майя // Становление классов и государства. — М.: Наука, 1976. — С. 191–196; *Отпенхейм А.* Древняя Месопотамия. — М.: Наука, 1990; Самоуправление: от теории к практике / под ред. Ю. А. Тихомирова, и Т. Х. Шахназарова. — М.: Юридическая литература, 1988; *Дьяконов И. М.* Общественный и государственный строй Древнего Двуречья. Шумер. — М., 1959; *Toscano, Salvador.* La organizacion politica y social de las aztecas. — Mexico: INAM, 1977; *Monzon, Arturo.* El Calpulli en la organizacion social de las tenochcas. — Mexico, 1962.

² Цит. по: *Пиотровский Б. Б.* О формах хозяйства, способствовавших образованию классов и становлению государств // Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1969 года. — М., 1970. — С. 17.

внеэкономического) взаимодействия. Естественно, что это еще не самоуправление в его, так сказать, полноценном — структурообразующем — институциональном качестве, но его отправная точка. Однако, несмотря на отмеченное обстоятельство, уже на этом этапе исторического процесса отчетливо прослеживаются черты, которые в последующем будут ассоциироваться с корпоративным, региональным и общинным самоуправлением городов-государств¹.

Многие российские и зарубежные исследователи еще в XIX — начале XX века, рассматривая процесс становления и развития правовых и политических учреждений прошлого, в целом пришли к пониманию того, что многие функции будущих социально-политических систем и публичных институтов — как *sensu stricto*, так и *sensu lato* — выполнялись родовыми отношениями, семейно-клановой организацией и общинными связями².

---

¹ Конечно, никто не может сегодня в точности описать первобытное самоуправление, существовавшее тысячелетия назад, до возникновения на Земле государственности. Ведь никаких достоверных источников, раскрывающих социальную организацию древнего догосударственного первобытного общества, науке в настоящее время неизвестно. Однако у нас есть возможность познакомиться с жизнью, в том числе и с организацией самоуправления, традиционного догосударственного общества. Дело в том, что и в наши дни некоторые народы, живущие в Африке, Австралии, Океании, Азии, Америке и даже на севере Европы, сохраняют родоплеменную организацию, характерную для догосударственного периода развития человеческого общества.

Естественно, нельзя в полной мере отождествлять древнее первобытное общество с современными нам традиционными племенами. Ведь на протяжении столетий все народы проходят тот или иной путь развития под воздействием как внутренних, так и внешних факторов. Хотя основные черты самоуправления сохраняются. За таким развитием ученые (антропологи, этнографы и историки) наблюдают уже более столет. А описания самоуправления не имевших государственности племен, сделанные в большинстве случаев без серьезного научного анализа, известны с глубокой древности. Подробнее см.: *Автономов А. С.* У истоков гражданского общества и местного самоуправления. — М.: Мэйн, 1998. — С. 15–16; *Ковлер А. И.* Генезис и становление самоуправления... — С. 10; *Ясперс К.* Смысл и назначение истории... — С. 55, 56, 58–60 и др.

² См. подробнее: *Ковалевский М. М.* Первобытное право. — М., 1886. Вып. I–II; *Он же.* Родовой быт в настоящем, недавнем и отдаленном прошлом: Опыт в области сравнительной этнографии и истории права. — СПб., 1905 (М.: КРАСАНД, 2010); *Он же.* Общинное земледелие, причины, ход и последствия его разложения. — М., 1879; *Беляев И. Д.* История русского законодательства. — СПб.: Лань, 1999; *Морган Л. Г.* Лига ходеносауни, или ирокезов. — М., 1983; *Леббок Дж.* Начало цивилизации: умственное и общественное состояние дикарей. — СПб., 1876; *Токвиль Алексис де.* Демократия в Америке. — М., 1992; *Фюстель де Куланж Н. Д.* Древняя гражданская община: Исследование о культуре, праве, учреждениях Греции и Рима. — М., 1903 (М.: КРАСАНД, 2011); *Морган Л. Г.* Древнее общество. — М., 1935; *Cunow, H.* Marxsche Geschichts-, Gesellschafts- und Staatstheorie. — Berlin, 1929; *Kohler, J.* Das Recht der Azteken. — Stuttgart, 1892.

При изучении генезиса первобытного общества в рамках перехода родовой общины и обычного права в самоуправляющуюся территориальную (полицную или сельскую) общину, раннее государство и писаное право нельзя не учитывать того факта, что подобно тому, как не было в универсальной, исходной социальной ячейке общества, так не было в древности универсального субъекта обычного права.

Какие бы ни высказывать гипотетические предположения, древняя община — явление, несомненно, многогранное и уникальное. Традиционно к ней относят *родовую* (раннеродовую и позднеродовую) общину, организующим звеном которой рассматривается кровнородственная группа. Со временем возникла *соседская* (территориальная и земледельческая, крестьянская) община, распад которой происходил в виде социального ранжирования, структуризации и дифференциации прежде однородного коллектива (процесс классообразования).

Применительно к архаичному обществу и этапу его разложения отечественная и зарубежная наука признает наличие разнообразных и многочисленных социальных групп, одно лишь перечисление названий которых может произвести большое впечатление: племена, союзы (лиги) племен, кланы, линиджи, кровнородственные группы, задруги, домохозяйства, патронимии, фратрии и т. д. Было бы безнадежным делом возводить некоторые из указанных форм в ранг универсальных. Каждый народ и каждая культура располагают своим набором форм социальной организации, который к тому же не оставался идентичным на протяжении многих веков социальной эволюции. «...Все это, конечно, — делает вывод член-корреспондент Российской академии наук, профессор Г. В. Мальцев¹, рассуждая о проблемах генезиса древнего права, — существенно затрудняет поиск универсального субъекта обычного права... Но в рамках изучения отдельной культуры можно установить, какая социальная группа способна формировать *единое правовое пространство* в том или ином регионе, а какие группы действуют строго в границах данного пространства...»

Нельзя не учитывать, что в компаративистике и истории государства и права сложились две основных концепции становления

¹ Цит. по: Мальцев Г. В. Очерк теории обычая и обычного права // Обычное право в России: проблемы теории, истории и практики. — Ростов-на-Дону: СКАГС, 1999. — С. 40.

и развития первобытного общества: так называемая *родовая* теория (классическая) и *общинная* теория. Причем компромисс удастся найти не всегда¹.

Приведем в качестве примера точку зрения французского историка Н. Д. Фюстеля де Куланжа²: «...У римских правоведов и греческих писателей мы находим следы одного древнего учреждения, которое, по-видимому, имело большую силу в первые века греческого и италийского общества, но которое... ослабевая, оставило лишь едва заметные следы в последнюю эпоху их истории. Мы говорим о том, что латины называли *gens*... Немало было споров о природе и строении рода... Род... представлял собою нечто целое с устройством вполне аристократическим; благодаря внутренней его организации патриции в Риме и эвпатриды в Афинах долго сохраняли свои исключительные права. Когда же народная партия одержала верх, она не замедлила из всех сил напасть на это древнее учреждение. Если бы она была в состоянии совершенно его уничтожить, то весьма вероятно, что нам не осталось бы о нем ни малейшего воспоминания... Каждый род владел своим особым культом... Подобно тому, как каждый род исповедовал свой культ и чтил свои праздники³, у него

¹ См.: *Маурер Г.Л.* Введение в историю общинного, подворного, сельского и городского устройства и общественной власти. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011; *Максимов А.Н.* Теория родового быта. — М., 1913; *Маретин Ю.В.* Основные типы общины в Индонезии // Проблемы истории докапиталистических обществ. — М., 1968; *Кабо В.Р.* Первобытная доземледельческая община. — М., 1986; *Жаков М.П.* К постановке генетических проблем истории доклассового общества // Из истории докапиталистических формаций. — М., 1933; *Семенов Ю.И.* Проблема начального этапа родового общества // Проблемы истории докапиталистических обществ. — М., 1968; История первобытного общества: эпоха первобытной родовой общины. — М., 1986; *Зибер Н.И.* Очерки первобытной культуры. — СПб., 1899; *Мушкин А.Е.* Государство и право — исторические разновидности органов и норм управления обществом М.; Л., 1968; *Жидков О.А.* История государства и права стран Латинской Америки. — М.: Изд-во УДН, 1967; История древнего мира. Кн. I–III / под ред. И.М. Дьяконова, В.Д. Героновой и др. — М.: Наука, 1989; *Caso, Alfonso.* Evolucion politica y social de las aztecas // De Teotihuacan a las Aztecas. — Mexico: UNAM, 1977.

² См.: *Фюстель де Куланж Н.Д.* Древняя гражданская община... С. 79–83.

³ Практически об этом же свидетельствует один из немногих уцелевших памятников индейской литературы, эпическое произведение народа *киче* «Пополь-Вух» (буквально «Книга народов»): «И услышав о городе, они отправились туда... чтобы получить своих богов. Итак, они все прибыли в Тулан... Тогда было явление богов... И первым появившимся был (бог) Тохиль... Затем появился бог по имени Авиллиш... И таким же образом вместе с народом киче получили (свое божество) и люди там... На третьем месте были люди илока. Имя бога, которого получили праотцы и отцы этих владык... было также Тохиль. Таким образом, трем (группам) киче были даны их имена, и они не разделились, потому что они имели бога с одним и тем же

было также и общее место погребения... У каждого рода... был глава, бывший в то же время его судьей, его жрецом и военачальником... В Греции также у каждого рода был свой начальник... этот родоначальник носил обыкновенно титул архонта...»

Критически характеризуя состояние проблемы (на фоне введенных в широкий научный оборот диаметрально противоположных, полярных и бескомпромиссных точек зрения ряда исследователей), один из крупнейших дореволюционных ученых писал в этой связи: «Только обращаясь к *сравнительному* приему и выделяя с помощью него черты сходства и различия в родовой, общинной и семейной организации возможно большего числа народностей, мы в состоянии выделить те характерные черты, соединение которых обнимается соответствующими понятиями рода, общины и нераздельной семьи...»¹

В другой известной работе М. М. Ковалевский отмечал по поводу арийцев: «История застаёт главнейших представителей... семьи на той ступени их развития, которую можно назвать переходной от родового к общинному быту... Какую общественную единицу признать тем эмбрионом, из которого путем последовательного дифференцирования возникли известные нам в истории нормы общежития — род, семью или общину? — вот вопрос, которым в течение столетий не переставали и доселе не перестают задаваться исследователи древнейшей... культуры, одинаково — на западе и у нас»².

По мнению сторонника «*общинной теории*» И. Д. Беляева, исследовавшего патриархальный быт в контексте процесса государственного строительства у большинства славянских народов, общинные

именем: Тохиль у киче, Тохиль у тама и (Тохиль) у илока...» Цит. по: Пополь-Вух. Родословная владык Тотоникапана / пер. с языка киче. — М.: Ладомир: Наука, 1993. — С. 86–87.

¹ Цит. по: *Ковалевский М. М.* Родовой быт в настоящем, недавнем и отдаленном прошлом... — С. 6. Последовательно отстаивая собственную мысль, цитируемый автор далее пишет: «История и этнография застают разные народы не на одинаковой ступени развития. Тогда как у одних еще уцелели все черты родового быта, у других эти черты встречаются не более как в качестве переживаний, рядом с господствующим общинным или нераздельно семейным устройством. Это обстоятельство объясняет нам, почему некоторые особенности родового быта могут отсутствовать в праве известного народа, и этому народу в то же время должна быть приписана на первых порах родовая форма общежития, почему, с другой стороны, отсутствие тех или иных характерных черт сельской общины или нераздельной семьи не дает права отрицать исторического существования у него того или другого вида союзов...» Там же.

² См.: *Ковалевский М. М.* Первобытное право... — С. 1.

отношения уже на стадии ранней государственности приобретают преобладающий характер: «...Летописи и другие источники, дошедшие до нас, сообщают очень немного сведений о первобытном устройстве славянских обществ... тем не менее, можно составить довольно ясное понятие об этом устройстве, по крайней мере, в главных его чертах. Из рассмотрения всех дошедших до нас свидетельств оказывается, что первобытное, дорюриковское устройство общественной жизни славян на Руси было общинное, а не родовое»¹.

Рассматривая специфику периодизации первобытной истории, А. И. Першиц акцентирует внимание на следующих моментах: «Эпоха первобытной общины открывается возникновением первых упорядоченных форм социальной организации — рода и родовой общины. Именно здесь получают полное выражение основные черты первобытнообщинного строя — более или менее последовательный коллективизм в производстве и потреблении, общая собственность и уравнильное распределение. Эти черты особенно ярко выражены на стадии раннепервобытной общины и сохраняются, хотя уже не господствуют, на стадии позднепервобытной общины... Если эпоха праобщины — время становления, а эпоха первобытной общины — время зрелости, то эпоха классового образования — время распада первобытнообщинного строя. Эта последняя эпоха повсюду знаменуется прогрессирующим развитием всех отраслей хозяйственной деятельности и ростом избыточного продукта. Общая собственность общины начинает вытесняться обособленной собственностью отдельных домохозяйств, уравнильное распределение вытесняется трудовым, общинно-родовые связи рвутся и уступают место общинно-соседским...»²

¹ Цит. по: *Беляев И. Д.* История русского законодательства... — С. 27.

² Цит. по: *Алексеев В. П., Першиц А. И.* История первобытного общества. — М.: Высшая школа, 1999. — С. 11, 12. Используя упомянутые выше источники информации, можно реконструировать модель догосударственного, первобытнообщинного самоуправления. «На ранних стадиях эволюции человеческого общества, по-видимому, — отмечает А. С. Автономов, — обязанности в сфере самоуправления распределялись внутри рода преимущественно в соответствии с биологическими предопределенными ролями, иначе говоря, ролями, определяемыми возрастом и полом. Управленческая деятельность переплеталась с другой человеческой деятельностью и никак от нее не отделялась. Власть опиралась на семейно-родственные отношения, и управление строилось на внутриродовой иерархии. Все родственники (даже весьма далекие с точки зрения нынешних представлений о родстве) жили вместе, образуя сообщество...» Цит. по: *Автономов А. С.* У истоков гражданского общества и местного самоуправления... — С. 16.

В таких условиях большого рода — семьи, когда все люди — родственники жили, трудились и решали свои проблемы сообща, а парный брак как институт еще не получил

По существу аналогичным образом оценивал проблему и В. Р. Кабо. В частности, ставя задачу «выявления в структуре первобытного социума его жизненного центра, средоточия социально-экономических связей», ученый, в отличие от апологетов «родовой» теории, признавал таким институтом общину¹.

Первобытная община, по мнению историографа-медиевиста, «...это естественно сложившийся коллектив, который возник одновременно с возникновением самого человеческого общества, с возникновением производства, это форма организации совместного хозяйства первобытного социума, ведущий производство коллектив первобытного общества»².

Отмеченную точку зрения разделяет целый ряд современных отечественных компаративистов, теоретиков права, государствоведов и этнографов, полагающих, что род в силу присущей ему экзогамии не может выступать в качестве единого хозяйственно-экономического коллектива хотя бы потому, что включает в себя не только кровных родственников.

В свою очередь, представители «родовой теории», в частности В. А. Шнирельман, отмечают: «В первобытном обществе социаль-

оформления, родственные отношения определялись по материнской линии (матрилинейный род). Это не могло не отразиться и на порядке управления. Женщина как продолжательница рода занимала в те времена особое положение. Мужчина, вступив в брак с женщиной из другого рода, должен был жить в чужом для него роде, но членом рода своей жены не становился. Вместе с тем, подчеркивает У. Салливан, «...даже там, где происхождение прослеживается матрилинейно, через женщин, все властные позиции, тем не менее, монополизированы мужчинами; самым близким родственником мужчины является его сестра, а его самым прямым наследником и преемником (после его брата) — ее сын... Браки не должны заключаться между детьми одних родителей, за исключением четко определенных ситуаций. Брак не должен нарушать матрилинейность. В идеале брак всегда должен уступать преобладающему значению родства по женской линии... Следовательно, где живут супружеские пары — это всегда решающий вопрос при системах родства по женской линии. Самый простой для братьев и сестер способ сохранить родственную связь — это жить вместе под одной крышей и позволять чужим мужчинам оплодотворять женщин в подходящие промежутки времени». Цит. по: *Sullivan, William. The secret of the Incas. Myth, Astronomy, and the War against Time.* — N.Y., Crown Publishers, Inc.

Постепенно семьи выделились из рода и стали вести самостоятельное хозяйство. Переход к парному браку содействовал переходу от матрилинейного к патрилинейному роду, то есть к такому роду, когда принадлежность к роду передается не по материнской, а по отцовской линии. Повышение роли мужчины в хозяйственной жизни и управлении общинными делами вместе с переходом к патрилинейному роду привело к патриархату, при котором мужчина обладает гораздо более широким кругом прав, чем женщина, и главой семейства считается мужчина.

¹ См.: Кабо В. Р. Первобытная доземледельческая община... — С. 3.

² Цит. по: Кабо В. Р. Первобытная доземледельческая община... — С. 5.

ное родство было той основой, на которой строились самые различные формы общественной организации. Наиболее распространенной из последних была родовая...»¹

Сравнительно-правовой анализ практики осуществления начал самоуправления и народовластия у целого ряда народов, в том числе индейцев доколумбовой Америки и наших далеких предков, способствует выявлению *общих закономерностей родоплеменной и общинной эволюции*, характерной не только для традиционной славяно-русской и индейской общины, но и для их многочисленных аналогов.

Так, при изучении социальной организации коренных народов Крайнего Севера современной России было установлено, например, что автохтонное тунгусское общество уходит своими корня-

---

¹ Цит. по: История первобытного общества... — С. 359. По мнению, на наш взгляд, незаслуженно подзабытых в последнее время основоположников «научного коммунизма» родовые и сельские (земледельческие) общины «являлись в действительности *исходным пунктом* всей истории...» Цит. по: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. — Т. 20. — С. 266.

Несмотря на то что в своем сравнительном анализе один из «отцов-основателей» некогда господствовавшей научной парадигмы приоритетное место отводил не древнемексиканской или древнерусской общине и традиционному быту автохтонно-туземных народов, населявших территорию России, тем не менее, его выводы и обобщения общетеоретического характера позволяют гипотетически предположить, что архаичная самоуправляющаяся община как форма социальной организации древнего общества была характерна для многих регионов «мировой ойкумены», в том числе и тех, на которых на рубеже VI–VII веков расселились многочисленные восточнославянские племена. Подобный концептуально-методологический подход разделяют многие современные историки государства и права, в частности Л. В. Данилова, утверждающая, что «община — неотъемлемый элемент общественной структуры на всех доиндустриальных стадиях». Аргументируя свою мысль, исследователь констатирует, что, с одной стороны, *большесемейная община*, безусловно, имела довольно широкое распространение на последних стадиях родоплеменного строя и даже значительно позднее — в период перехода к обществам «вторичной» формации. Однако, с другой стороны, нельзя не признать, что на всех известных исторических стадиях большесемейная община представляла собой, прежде всего, отдельное домохозяйство, включенное в рамки сельской соседской общины как совокупности производственно-экономических ячеек. Следовательно, она непосредственно не могла определять стадии в развитии общины, быть ее особым типом. Поэтому «при определении стадийных типов общины необходимо принимать во внимание эволюцию целостного первобытного механизма во всех его структурах и функциональных подразделениях...»

Таким образом, говоря о самоуправляющейся большесемейной общине, по всей видимости, вполне корректно признать, что в той или иной мере под ней может подразумеваться любой архаичный социальный коллектив, «связанный общностью происхождения по отцовской линии, общностью хозяйственной жизни и земельного владения и включающий более чем одну семейно-брачную ячейку». См. подробнее: *Данилова Л. В.* Сельская община в средневековой Руси. — М.: Наука, 1994. — С. 12, 29–30, 66.

ми в два базовых структурных звена. Н. Н. Степанов на основании документов XVII века отнес к ним: во-первых, собственно сами *роды* тунгусов, во-вторых, подразделения и ответвления, на которые эти роды дифференцировались. Советский исследователь назвал подобные архаичные тунгусские коллективы *патриархальными группами*, которые после их присоединения к Российской империи стали базовыми единицами так называемого ясачного обложения.

Кроме обозначенных общностей, в «ясачных книгах» этого периода постоянно упоминаются и более крупные социальные коллективы — *роды*, связанные между собой происхождением и кровным родством, а также территорией, принадлежавшей роду в целом, а не его отдельным подразделениям и ответвлениям. Как полагал Н. Н. Степанов, подобные социальные группы являлись основными хозяйственно-производственными микроединицами, каждая из которых была отделена от других и составляла единую «*большую семью*». Род, в свою очередь, объединял «*большие семьи*» единством территорий, необходимостью их защиты от посягательств соседей, взаимопомощью, общими брачными нормами и единым управлением в лице родового вождя¹.

В целом схожую позицию занимал крупный российский этнограф Б. О. Долгих. Рассматривая структуру традиционных эвенкийских сообществ, ученый выделял три основных типа автохтонных социальных единиц:

1) *большие роды*, состоящие из нескольких десятков, а иногда и сотен взрослых мужчин — плательщиков ясака, имевших характерные родовые названия (исследователь сближал их с фратриями позднего периода, отпочковавшимися от большого — «отцовского рода», — «малыми родами» при сохранении между ними разнообразных связей);

2) *роды*, состоящие из 10–20 трудоспособных мужчин, называвшиеся по имени лица, возглавлявшего род-ячейку, и представлявшие собой своеобразную внутреннюю структуру большого рода — фратрии;

3) *роды*, состоящие из 10–20 мужчин, но не имевшие собственного родового названия.

¹ Подробнее см.: *Степанов Н.Н.* Социальный строй тунгусов в XVII в. // Советский Север. — Л., 1939. Вып. 2–4; *Увачан В.В.* Обычное право эвенков в XVII — начале XX в.: монография. — М.: Книжный дом «Университет», 2001. — С. 19–21.

Основным типом социальной автохтонной общности у эвенков считалось *территориально-племенное объединение*, правда, не имевшее какой-либо устойчивой системы самоуправления. Таким образом, эвенкийское общество принадлежало к первобытнообщинной формации и являлось «переходным этапом между ранним материнско-родовым и классовыми обществами...» Поэтому такие институты, как собственность на оленей, имущественная дифференциация, отдельные, не характерные для родового строя формы семьи и т. д., выступают не признаком распада родового устройства, а условием нормального функционирования патриархально-родовых отношений, формами их существования¹.

Критически исследовав на примере древних германцев *патриархальный* (патрилинейный) род, М. М. Ковалевский сформулировал вопрос, актуальность которого, несмотря ни на что, по-прежнему не вызывает сомнений: «Если род с характеризующей его мужской филиацией встречается... у самых разноплеменных народностей, в частности и у важнейших представителей арийской семьи; если эпохой его медленного и самопроизвольного разложения открывается достоверная история всех и каждого из передовых народов Европы и Азии, то значит ли это, что человечеству не известна была и другая, быть может, еще более архаическая общественная организация, где женщина, генетическая связь с которой не требует для своего признания даже той слабой работы мысли, какую предполагает установление мужской филиации, играла ту роль, какая в родовой принадлежит мужчине?..»²

Историку государства и права начала XXI века (тем более, воспитанному на постулатах «единственно верного учения») актуализация данного вопроса может показаться не совсем корректной (и даже нетолерантной, если учитывать реалии сегодняшнего дня), но не следует забывать, что российский компаративист пытался разобраться в проблеме более столетия назад, когда сравнительное правоведение делало лишь первые шаги в этом направлении.

Как подчеркивает дореволюционный ученый, еще в начале XIX века «...сама постановка такого вопроса едва ли была возможна. Патриархальная теория, которую Мэн справедливо возводит

---

¹ Об этом см.: Долгих Б. О. Основные черты отцовско-родовых отношений у народов Севера // Общественный строй у народов северной Сибири XVII – начала XX в. – М., 1970. – С. 91.

² Здесь и далее по тексту цит. по: Ковалевский М. М. Родовой быт в настоящем, недавнем и отдаленном прошлом... – С. 91.

ко временам Аристотеля и Платона, не допускала существования даже в отдаленнейшей древности и у наиболее отсталых народностей такого порядка, при котором моногамическая или полигамическая семья, с вполне выработанным в ней верховенством мужа над женой и отца над детьми, не была той первичной ячейкой, в которой, путем мужской филиации, развились бы роды и отправляющиеся от них племенные и клановые союзы, назовем ли мы их филами, трибами или другим каким термином, заимствованным из быта новоевропейских народностей...»

Отдавая должное своим предшественникам, ученый отмечает¹: «Если не говорить о смелых гипотезах Лафито, впервые подметившего еще в конце XVIII века широкое господство у краснокожих беспорядочного полового сожития и обусловленное им отсутствие постоянной связи детей с отцами, никто ранее Мак-Леннана и Бахофена не подымал речи о материнстве, как о первоначальном виде родственных отношений. От признания материнства, как предшествующего по времени отечеству, до установления того взгляда, что основанный на женской филиации род древнее основанного на мужской, оставался один шаг, но шаг этот сделан был не ранее появления капитальных трудов американца Моргана, который в быте ирокезцов и других краснокожих племен Северной Америки открыл господство еще в наши дни такой общественной организации, а в обстоятельно изученных им системах наследования сотен разноплеменных народов Старого и Нового Света — переживания материнского рода...»

Подчеркивая тот факт, что автор «Древнего общества» и «Лиги ходеносауни, или ирокезцов» определил состав индейского рода как совокупность лиц, «считающих себя происходящими в женской линии от общей всем им мифической родоначальницы», М. М. Ковалевский, выделяя его характерные особенности, делает вывод, который разделяют многие современные историографы: «Таким образом, в состав его обязательно входят: сама родоначальница и ее дети, дети ее дочерей и дети ее женских потомков, сколько бы их ни оказалось...»

В качестве отличительных черт *материнского* (матрилинейного) рода (табуировано-императивный алгоритм которых, очевиден), прежде всего выделяются следующие.

¹ См.: Ковалевский М. М. Родовой быт в настоящем, недавнем и отдаленном прошлом... — С. 92.

Во-первых, внешним признаком принадлежности к соответствующему роду «...служит носимое лицом *имя*. В распоряжении каждого рода имеется известное число собственных имен, которые с согласия его членов даются матерями их новорожденным; последние, по достижении ими совершеннолетия, меняют эти имена на другие. Никто, кроме членов данного рода, не вправе присвоить себе одно из этих имен».

Во-вторых, не столь резко (как родовое имя-тотем) бросающимся в глаза признаком является *экзогамия*, то есть «ограничение в известном смысле свободы выбора невесты. Члены рода не могут вступать в брак между собой; это значит, что брак невозможен между лицами, считающимися родственниками в женской линии, что, разумеется, нимало не исключает возможности брака между тетками и племянниками, дядями и племянницами, понимая эти термины в обычном нам смысле...»

В-третьих, признание родства исключительно по материнской линии «налагает свою печать на все стороны *общественного* быта... Ближе всего к системе родства стоят система наследования и на первых порах совпадающая с ней система преемства родовой власти. Не удивительно, если... к наследованию, а также к отправлению обязанностей сахема или старейшины, призываются одни и те же лица — ближайшие родственники по матери, ее братья или сыновья; хотя в последнем случае все чаще и чаще сказывается вмешательство членов рода в замещение этой должности... выступает начало избрания...»

В-четвертых, кровная связь по материнской линии (впрочем, как и в рамках патриархального рода) имеет своим последствием «установление между лицами... известной *солидарности*. Она сказывается и в факте взаимной помощи и поддержки в нужде, и в круговой поруке, проявляющейся и при самоуправном отражении насилий, причиняемых... одному из членов рода и обыкновенно обнимаемых понятием кровной мести, и при разложении на всех членов рода как обязанности платежа, так и права получения выкупов или композиций...»

В-пятых, в основе не только патриархального, но материнского рода лежат механизмы *самоорганизации* и *непосредственной демократии*. Проявляется это в том, что все «совершеннолетние члены рода, одинаково женщины и мужчины, собранные на родовой сход, не только вправе признать преимущество за более способным, хотя бы и дальнейшим родственником, но и совершенно свободны в выборе военных вождей, функции которых прекращаются обык-

новенно вместе с войной. Выбирая как родового старейшину, так и военачальника, сходы удерживают за собой и право их низложения за те или другие проступки против родовых интересов...»

В-шестых, материнский род во многом сближает с патриархальным то обстоятельство, что он является «не только гражданским и политическим, но и *религиозным* союзом, избирающим на своих сходах так называемых у ирокезцов «хранителей веры» и имеющим свои особые от других родов усыпальницы и кладбища...»¹

Становление раннеклассовых обществ и образование государства — одно из важнейших звеньев в истории мировой цивилизации. Поэтому в отечественной и зарубежной компаративистике несколькими поколениями исследователей самое пристальное внимание было уделено не только определению *общих* закономерностей в формировании и развитии данных институтов, но и их *специфике*, характерной как для различных исторических периодов, так регионов и народов-этносов.

При рассмотрении процесса трансформации кровнородственной общины в территориальную и определении ее форм одним из важнейших критериев является то, что лежало в основе объединения их членов, с одной стороны, и что эти общности дифференцировало, с другой.

Например, осуществляя сравнительный анализ перехода к классовому обществу в античном мире и ранних государствах Древнего Востока, исследователи «обычно обращали внимание на то, что родовую общину во втором случае сменяет *сельская* территориальная община, составлявшая основную социальную единицу на Востоке, а в первом — *полис*». Это принципиально важное с методологической точки зрения противопоставление содержится в работах многих ученых, подчеркивавших «разницу в формах собственности на Востоке и в античных обществах, для которых характерно возникновение полиса...»²

¹ Цит. по: Ковалевский М.М. Родовой быт в настоящем, недавнем и отдаленном прошлом... — С. 95–98.

² Подробнее см.: Маяк И.Л. Проблема генезиса римского полиса // Древние цивилизации. Древний Рим /ВДИ. 1937–1997. — М.: Ладомир, 1997. — С. 45. Иными словами, сравнительный анализ эволюции родоплеменной организации позволяет говорить о том, что древнемексиканские и, например, шумерские, древнегреческие или восточнославянские институты самоуправления обнаруживают много общего (и даже идентичного) между собой. Следовательно, выявляется общемировой процесс генезиса институтов самоорганизации местного населения независимо от конкретного региона.

По мнению ряда авторов, с чем мы могли бы вполне согласиться, преимущество сторонников «общинной теории» состоит в том, что, признавая за родом большое значение в качестве социально организующего и регулирующего института, особенно на сравнительно последних стадиях его развития (именно тех, которые успел застать Л. Г. Морган у ирокезов), они вместе с тем подчеркивают¹, что сущность рода как формы общественной организации — в регулировании прежде всего родственных связей: происхождении от общего предка, то есть кровное родство, запрет вступать в брак в пределах рода (экзогамия).

При всей важности подобной функции рода, регулирующей воспроизводство самого человека, *роль общины гораздо шире и масштабнее.*

Отвечая на вопрос, что представляла собой форма данной общественной организации, А. И. Першиц и его соавтор пишут в одной из монографий: «...До недавнего времени отечественные исследователи, да и значительная часть зарубежных, видели в ней открытый уже Л. Г. Морганом материнский род. Это аргументировалось несколькими важными обстоятельствами.

Во-первых, при очень низком уровне развития того общества, в условиях которого начала складываться новая организация, едва ли не единственной основой для упрочения социальных связей было осознание общности интересов в форме родства.

Во-вторых, наиболее стабильной частью тогдашних коллективов были женщины, игравшие исключительную роль в заботе о потомстве и ведении домашнего хозяйства.

В-третьих, как при нестабильности гаремных семей, так и при неупорядоченности полового общения, а следовательно, неопределенности отцовства отношения родства, по-видимому, должны были начать осознаваться как однолинейное родство между потомками одной матери, то есть строиться по материнской, женской, линии.

В силу всего этого той упорядоченной формой организации общества, которая в конце концов сменила праобщину, вероятно, считался коллектив сородичей, связанный общим происхождением по материнской линии, то есть материнский род... В то же время этнологами было обнаружено немало наименее развитых обществ, не знавших родовой организации ни в какой ее форме или ведущих счет по отцовской линии. Другие общества, стоявшие на одном

¹ См.: Ковлер А. И. Генезис и становление самоуправления... — С. 12.

уровне развития, жили кто материнско-родовым, а кто отцовско-родовым строем; находились и такие, которые вели счет родства по обеим линиям...»¹

Базируясь на отношениях, основанных, прежде всего, на хозяйственно-производственной деятельности, устанавливая общинную экзогамию (но уже не только с целью пресечения кровосмешения, но ввиду необходимости укрепления межсоциумных связей), община представляет собой единый социально-экономический коллектив, состоящий из родов, семей и более мелких единичных групп. «Не род создает общину, — подчеркивал в конце XIX века Н. И. Зибер, — а община род...»²

Как представляется, такой методологический подход позволяет максимально всесторонним образом отразить социальный быт архаичных общностей, не замыкаясь при этом на выявлении лишь кровнородственных связей, сколь бы важными, на первый взгляд, они ни казались.

Поэтому с точки зрения исследования самоуправленческих начал в жизни, в том числе индейской городской и сельской территориальной общины, такой подход можно считать наиболее приемлемым и плодотворным³.

¹ См.: *Алексеев В. П., Першин А. И.* История первобытного общества... — С. 139.

² Цит. по: *Зибер Н. И.* Очерки первобытной культуры... — С. 331. Как отмечал М. М. Ковалевский, акцентируя внимание на специфике общественной организации американских индейцев, «на протяжении всего Нового Света материнский род является доселе господствующим. Признание родства только со стороны матери, запрещение браков между родственниками в женской линии, устранение родных детей от наследования и от занятия должности сахема дядями по матери, как ближайшими родственниками, все эти черты материнского рода одинаково могут быть отмечены и в быте уцелевших остатков племени гуронов, и у некоторых из семьи дакота, у мускоков и криков, делаваров, шошонов и флоридских натче. Из южноамериканских племен Морган упоминает о краснокожих Гвианы, как о таких, в среде которых существование одного материнства и запрещение браков между лицами, связанными друг с другом родством со стороны матери, засвидетельствовано в одно слово целым рядом посетивших их путешественников. Следы материнского рода могут быть отмечены... и в быте наиболее передовых народностей Америки — у жителей ацтекской конфедерации, как ни затемнило понимание их юридических отношений неверное описание их организации испанскими писателями...» Цит. по: *Ковалевский М. М.* Родовой быт в настоящем, недавнем и отдаленном прошлом... — С. 98.

³ См.: *Семенов Ю. И.* Первобытная коммуна и соседская крестьянская община // Становление классов и государства. — М.: Наука, 1976. — С. 8–9. Расселение автономных семей привело к тому, что семьи, принадлежащие к разным родам, оказывались соседями в одном селении. На смену родовой общине пришла соседская община. Черты соседской общины постепенно складывались и в тех селениях, где жили семьи,

И, наконец, самоуправление, как непосредственное управление социума (коллектива-общности) самим же социумом (коллективом-общностью) присуще больше всего именно *потестарно*-архаичным общностям уже в силу «естественности» такого управления, вытекающего из характера собственности, компактности и сравнительно небольшой численности индейской общины. Вместе с тем, говоря об общественном самоуправлении в первобытном американском обществе, не будем смешивать его с «демократией» более позднего периода «вождеств» и «военной демократии» (*chiefdom stage*) доклассового и раннеклассового обществ или, напротив, приписывать ему полное отсутствие особой категории управляющих¹.

Исходя из изложенного, процитируем А. Е. Мушкина, который в своей монографии «Государство и право — историческая разновидность органов и норм управления обществом» констатировал, что:

принадлежащие к одному роду, но переход от родовой общины к соседской проходил медленнее, чем в селениях, где проживали семьи, относящиеся к разным родам, так как родовые отношения тормозили быстрое и полное проявление «чисто» соседских отношений. В условиях соседской общины старые механизмы родового самоуправления, основанные на авторитете старших родственников, уже не могли работать. В новых условиях стали формироваться новые механизмы межсемейного и межродового самоуправления. Кроме того, создавались механизмы надродового — племенного самоуправления (ведь в состав племени входят несколько родов). Все это были уровни общественного самоуправления, и государство еще не сформировалось.

Однако переход от родового (основанного на родственных отношениях) самоуправления к территориальному (основанному на общности интересов проживающих на одной территории и совсем не обязательно родственных семей) самоуправлению создал определенные возможности для складывания государственности: государство образует народ, организованный по территориальному принципу, а не по родству. Дальнейшему росту производительности труда способствовало разделение труда. Но не только животноводство отделилось от земледелия, ремесло от сельского хозяйства, торговля от производства товаров.

В рамках разделения труда выделилась административно-судебная деятельность, осуществляемая, как правило, военными вождями. Поскольку обучение какому-либо занятию и передача опыта производились внутри семьи, разделение труда привело к складыванию «протосословий». Принадлежность к «сословиям» переходила по наследству в рамках семьи. Исполнение судебных и управленческих функций вместе с руководством военными отрядами было сопряжено с накоплением имущества. На предгосударственной и раннегосударственной стадиях развития человечества богатство и статус вождя увязывались напрямую. У многих народов известны обычаи периодической ритуальной раздачи вождям части своего имущества. Многие племена североамериканских индейцев такую раздачу, сопровождаемую установленными обрядами, во время некоторых празднеств именовали «потлач». Имеются описания раздач имущества древнерусскими князьями, военными предводителями других народов. См.: *Автюмов А. С.* У истоков гражданского общества и местного самоуправления... — С. 18–19.

¹ См.: *Ковлер А. И.* Генезис и становление самоуправления... — С. 13.

«Понимание общественного самоуправления в первобытном обществе в виде управления обществом непосредственно самими его членами неверно. Оно объясняется тем, что происходит смешение двух вопросов: кому принадлежит управление, и кто его осуществляет. Термин “самоуправление” должен ориентировать не на отсутствие органов управления и деления людей на управляющих и управляемых, а на характер органов управления как представителей всего общества и на указанное деление как чисто деловое, профессиональное...»¹

С этой мыслью вполне корректно согласиться, но с одной лишь оговоркой — она верна для самоуправления в соседской (территориальной) общине, так как исследования последних десятилетий подтверждают отсутствие во многих ранних индейских общностях (почти во всех известных регионах их расселения) каких-либо особых управляющих, кроме старейшин родов, выполнявших наряду с остальными членами общины те или иные общественно-хозяйственные функции. Выборные старейшины, вожди, советы вождей чаще всего появляются при переходе от родовой общины к общине соседской (территориальной, сельской), к племенной организации более высокого уровня. Поэтому весьма уместным в данном контексте может быть вывод Ю. В. Бромлея, что история ранних обществ «все более лишается своей былой хрестоматийной упрощенности, обогащаясь новыми, подчас противоречащими друг другу фактами, ставящими перед нами новые проблемы...»²

Саморегуляция жизнедеятельности общины осуществляется за счет повышения уровня и организованности и, как отмечал А. И. Першиц в работе «Проблемы нормативной этнографии», «нормативности»³.

Чаще всего эта «нормативность» носила принудительный характер, так как, по справедливому замечанию К. Маркса, «отдельный индивидуум еще столь же крепко привязан к роду или общине, как отдельная пчела к пчелиному улью...»⁴

¹ Цит. по: *Мушкин А. Е.* Государство и право — исторические разновидности органов и норм... — С. 29.

² Цит. по: *Бромлей Ю. В.* Новое в изучении первобытного общества // К вопросу о смене общественно-экономических формаций и социальных революций. — М., 1975. — С. 23.

³ См.: *Першиц А. И.* Проблемы нормативной этнографии... — С. 215–219.

⁴ Цит. по: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. — Т. 23. — С. 34. Как на важнейший признак, отличающий общность, основанную на кровном родстве, от общности, базирующейся на соседстве, в научной литературе указывается на наличие между всеми ее членами отношений родства. В то же время известно немало примеров общин классового общества, которые состояли из родственников ничуть не в меньшей степени, чем перво-

Подобная «привязанность» к своей общности либо роду в условиях жесточайшей борьбы за существование была одним из условий выживаемости человека и его обеспеченности пищей, жилищем, защитой от нападения и потому была вполне естественной и оправданной. Самоуправление общины в этих условиях означало, прежде всего, ее сохранение. Вместе с тем община, несмотря на действительно жесткие условия существования, была образованием далеко не статичным, а принуждение «выступало в основном в виде психического принуждения, то есть антагонистических противоречий между коллективом и личностью там не было. Имело место... физическое принуждение в виде кровной мести и других актов физического насилия, но оно не было внутренне присуще обществу, а являлось скорее проявлением его дикости»¹.

бытная община. Например, в юго-восточном Китае даже в начале XX века довольно часто встречались сельские поселения и деревни, в которых подавляющее большинство мужского населения прослеживало свое происхождение от одного общего предка. Жители такой деревни, как правило, составляли одну родственную патрилинейную группу. Однако связи, действовавшие внутри такой общины, сколько-нибудь существенно не отличались от тех, что образовывали основу деревень, население которых не составляло одной родственной группы. Поэтому, несмотря на наличие между ее членами ярко выраженных родственных отношений, подобная сельская (земледельческая) община ни при каких обстоятельствах не может быть отнесена к догосударственной («первобытной»). Перед нами «подлинно крестьянская, и в этом смысле соседская, а не кровнородственная община...» См.: *Семенов Ю. И.* Первобытная коммуна и соседская крестьянская община... — С. 8–9.

Примечательно, что самоуправляющиеся сельские общности, население каждой из которых составляло одну родственную группу, существовали в Японии в XIX–XX веках, на Русском Севере, в Белоруссии, на Украине и в Болгарии в XVI–XIX столетиях. Подробнее см.: *Косвен М. О.* Семейная община и патронимия. — М., 1963. — С. 104–107, 168.

¹ Цит. по: *Мушкин А. Е.* Государство и право — исторические разновидности органов и норм... — С. 31. Тем не менее мы склонны полагать, что территориальную (вернее даже, переходную соседско-родовую) общину, по всей видимости, нельзя однозначно считать универсальным субъектом обычного права (не говоря уже о писаном) в том смысле, в каком сегодня мы называем государство субъектом «национальной системы права». Возможно, в том числе, потому, что территория соседской общины — субъекта обычного права и пространство реального действия норм индейского обычного права, вероятнее всего, в силу целого ряда объективных причин не всегда совпадали. Во-первых, в отличие от закона обычай представляет собой источник права, не подвергающийся формальной институционализации, что предопределяет диффузный характер его распространения. Поэтому «понравившийся» чужой обычай мог быть воспринят как свой при условии его последующей адаптации к традиционным ценностям данного сообщества. Во-вторых, в период, предшествовавший образованию раннего государства, когда создавались различные племенные конфедерации, формировалась обстановка конкуренции обычно-правовых систем союзных племен,